имела.[42] Следует думать, что Екатерина II использовала метод, который был применен лондонской цензурой в отношении брошюры Вольтера «Le philosophe ignorant», т. е. «очистила» неприятный текст и приказала в новом виде напечатать его вместо игранного в театре по рукописи, которая бесследно исчезла.

Сам Николев в своем обращении к Александру I ясно засвидетельствовал гнет и вред цензурного режима предыдущих лет:

Тебе, что ‹ . . ›
Снял путо студное и с мысли и с пера,
Отверз в грудях сынов все токи живоносны,
Цензуры обуздав суды, дарам несносны,
Тебе мой слабый труд дерзаю посвятить.[43]

Эти слова его в равной мере относятся и к прямолинейной павловской и к более тонкой екатерининской цензуре, причем устранять из-под ее воздействия литературную деятельность самого Николева нет никаких оснований. Дело в том, что Николев различал только два основных вида государственной власти: монархию и республику.[44] Отсюда и мог вылиться совсем иной, не дошедший до нас монолог огорченного Премысла. В печатном же тексте трагедии мы имеем обращенное к «России пренесчастной» такое пятистишие:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле,
Льзя-ль ждать блаженства там, где гордость
на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца

(Д IV, явл 4)

Здесь не следует искать «бунтарской» идеологии. В других печатных произведениях того времени встречаются более жесткие и более резкие слова, например «тиранство» (у Николева «власть одного» и «одна монаршая воля»), но оно почти всегда означает отсутствие законов и реже попрание их. У Николева мы находим и совершенно верноподданническое посвящение второго тома творений Екатерине II. Но никак нельзя забывать, что зрительный зал 12 февраля 1785 года при первом представлении трагедии «Сорена и Замир» сочувственно встретил слова со сцены о «пагубном уставе». А тяжесть цензурной

[42] «Русский вестник», 1810, №№ 3 и 4, стр. 95—123.

[43] Трагедия в 5 действиях «Святослав». ГПБ, рукопись Эрм. № 214, л. 2.

[44] Творения Николая Петровича Николева, ч. III, Лиродидактическое послание, М., 1796, стр. 295—296, нота 16-я